

УДК: 930.85

В.И. Пантелеев, И.И. Воронов

ПОЭМА «ДВЕНАДЦАТЬ», КОТОРАЯ ОСТАНЕТСЯ НАВСЕГДА

V.I. Panteleev, I.I. Voronov

THE POEM "TWELVE", WHICH WILL BE FOREVER

В статье рассматриваются два взаимосвязанных узла вопросов вокруг толкования поэмы Александра Блока «Двенадцать». Первый сюжет посвящен причинам появления Иисуса Христа в ее финале. Как показал анализ творчества А. Блока, он рассматривал революцию 1917 года в России как один из этапов крушения старого и формирования нового мира, новой цивилизации. Символист Александр Блок осознал, что у нарождающейся на его глазах цивилизации должен быть какой-то новый символ. Кто-то должен был идти перед двенадцатью красногвардейцами, символизирующими нарождающийся новый мир. Но эта «третья сила» еще не вызрела. Александр Блок не как политик, а как художник решал вопрос о том, кто пойдет впереди двенадцати красногвардейцев. С этой точки зрения, Ленин не мог быть Другим, Соловьев – тоже. Оставался Христос. И не было ясно, кто, кроме Христа, мог идти впереди. Второй сюжет посвящен влиянию трагедии Иогана Гёте «Фауст» на содержание поэмы «Двенадцать». Авторы приходят к выводу, что Александр Блок примеривал на себя судьбу Фауста, когда, окончив «Двенадцать», написал, что он гений. Гениальный доктор Фауст заключил союз с дьяволом в обмен на новые знания, богатство и мирские наслаждения, однако сумел перехитрить Мефистофеля, творил и добрые дела, благодаря чему оказался после смерти в раю, а не в аду. Блок понимал, что обманывается, заканчивая поэму, что он вступает в союз, продает душу «революционному дьяволу», но хотел обмануться и жаждал, как и Фауст, «полететь» в благополучное бессмертие. И помочь ему в этом мог Иисус Христос, идущий в конце поэмы «в белом венчике из роз» впереди двенадцати красногвардейцев.

Ключевые слова: Александр Блок, «Двенадцать», Владимир Ленин, Лев Троцкий, поэма, Фауст, Гёте, революция.

In the study two interconnected knots of questions around the interpretation of Alexander Blok's poem "Twelve" are considered. The first plot is devoted to the reasons for the appearance of Jesus Christ in its final. As an analysis of A. Blok's work showed, he viewed the revolution of 1917 in Russia as one of the stages of the collapse of the old and the formation of a new world, a new civilization. As a symbolist Alexander Blok realized that the civilization emerging before his eyes was to have some new symbol. Some-

one had to go before the twelve Red Guards, symbolizing developing new world. But this "third force" had not matured at that time. Alexander Blok was not a politician, but as an artist he decided the question of who would go ahead of the twelve Red Guards. From this point of view, Lenin could not be the Other, Solovyev – either. Christ remained. And it was not clear who, except Christ, could go ahead. The second plot is devoted to the influence of the tragedy of Johann Goethe "Faust" on the content of the poem "Twelve". One can come to the conclusion that Alexander Blok tried on Faust's fate when, after having ended "Twelve", wrote that he was a genius. Ingenious doctor Faust concluded the alliance with devil in exchange for new knowledge, wealth and wordly pleasures, however managed to outwit Mephistopheles, did good deeds thanks to that he appeared after death in paradise, but not in hell. Blok finishing the poem realized that he was being deceived, that he was entering an alliance, selling his soul to the "revolutionary devil", but he wanted to be deceived and longed, like Faust, "to depart" to safe immortality". And Jesus Christ could help him in this, going at the end of the poem "in a white nimbus of roses" in front of twelve Red Guards.

Keywords: Alexander Blok, «Twelve», Vladimir Lenin, Leon Trotsky, poem, Faust, Goethe, revolution.

Сто лет назад, 3 марта (18 февраля) 1918 года в левозэсеровской газете «Знамя труда» была впервые опубликована поэма Александра Блока «Двенадцать».

Это произведение не без оснований называют «первой страницей советской литературы» [1, с. 759], и споры вокруг него не утихают до сих пор¹. В настоящей статье рассматриваются два взаимосвязанных узла вопросов вокруг толкования поэмы: во-первых, причины появления Иисуса Христа в ее финале, а во-вторых, влияние трагедии Иоганна Гёте «Фауст» на ее содержание².

Отсутствие альтернативы Христу. О том, как и почему Иисус Христос появился в финале поэмы Александра Блока «Двенадцать», написано очень и очень много. В 2000 году журнал «Знамя» даже организовал специальный заочный круглый стол на тему: «Финал “Двенадцати” –

¹Подробный анализ дан в комментариях к поэме «Двенадцать», опубликованных в полном собрании сочинений и писем поэта (Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 5. – М.: Наука, 1999. – С. 301–380). См. также: История русской литературы XX века. Первая половина: учебник: в 2 кн. Кн. 2. Personalia / Л.П. Егорова, А.А. Фокин, И.Н. Иванова [и др.]; под общ. ред. Л.П. Егоровой. – 2-е изд., перераб. – М.: ФЛИНТА, 2014. – С. 227–294.

²См. также: Пантелеев В.И. Русский Фауст, или тайна поэмы «Двенадцать» // Пантелеев В.И. Столыпин ехал по Сибири: исторические очерки и заметки. – Красноярск: Красноярский писатель, 2003. – С. 93–99.

взгляд из 2000 года», в ходе которого сразу десять литераторов и историков литературы изложили свои позиции по этому вопросу³.

Большевикам, конечно, не нравилось, что впереди двенадцати красногвардейцев, символизирующих революцию, идет Иисус Христос. Известный большевик В.Н. Шульгин так описал мнение В.И. Ленина на этот счет:

«Как-то невзначай он спросил меня:

– Вы любите Блока?

– Да.

– Вот и Глеб (Г.М. Кржижановский. – *В.Ш.*) тоже свихнулся на Блоке, – сказал он. И вдруг произнес: “В белом венчике из роз впереди Иисус Христос”. Вы понимаете? Объясните. – И, не дав мне сказать, понимаю ли я, кончил: – Не понимаю»⁴.

Известно, что Лев Троцкий предлагал Александру Блоку переписать конец поэмы, поставить вместо Христа Ленина [3, с. 218]. Как на этот совет отреагировал Блок, в нашем распоряжении нет сведений. Но совершенно точно, что в 1921 году он говорил: «А все-таки Христа я никому не отдам» [16, с. 593].

В августе 1918 года Александр Блок поведал Самуилу Алянскому, первому издателю «Двенадцати» в виде отдельной книги, как Иисус Христос появился в поэме:

«Я люблю ходить по улицам города в такие ночи, когда природа буйствует. Вот в одну такую на редкость вьюжную, зимнюю ночь мне и привиделось светлое пятно; оно росло, становилось огромным. Оно волновало и влекло. За этим огромным мне мыслилось “Двенадцать” и Христос» [1, с. 288].

Появление Христа в финале поэмы не устраивало Блока. В феврале 1918 года, когда поэма уже была написана, но еще не опубликована, он вновь и вновь обращался к этому образу. В записной книжке за 18 февраля Блок написал: «Что Христос идет перед ними – несомненно. Дело не в том, “достойны ли они его”, а страшно то, что опять Он с ними и другого пока нет; а надо Другого?» [5, с. 388–389]. Через день в дневнике Блок запишет: «Страшная мысль этих дней: не в том дело, что красногвардейцы “не достойны” Иисуса, который идет с ними сейчас; а в том, что именно Он идет с ними, а надо, чтобы шел Другой» [5, т. 7, с. 326].

Кто мог быть этим Другим? На первый взгляд, конечно же, вождь мирового пролетариата Владимир Ленин. В мае 1917 года Александр Блок был назначен редактором стенографического отчета Чрезвычайной следственной комиссии, созданной Временным правительством для

³См.: Знамя. – 2000. – № 11. – URL: <http://znamlit.ru/publication.php?id=1284> (дата обращения: 31.10.2017).

⁴Шульгин В. Воспоминания о В.И. Ленине // Молодая гвардия. – 1957. – № 3. Цит. по: Блок А.А. Полн. собр. соч. Т. 5. – С. 358.

расследования деятельности бывших министров и других высших должностных лиц. Комиссия готовила, как планировалось, материалы для Учредительного собрания. В силу своих должностных обязанностей А. Блок должен был присутствовать на допросах бывших министров и царских сановников. Помогал ему в редакторской деятельности на этом посту Михаил Бабенчиков, впоследствии известный советский искусствовед. В своих воспоминаниях о встречах с поэтом Бабенчиков приводит знаменательную фразу Александра Блока, произнесенную в сентябре 1917 года: «Наше несчастье в неверии. Один Ленин верит, и если его вера победит, мир снова выйдет на широкую дорогу. Один только Ленин» [1, с. 175].

Любой мемуарист имеет тягу к тому, чтобы что-нибудь присочинить и выдать желаемое за действительное. Поэтому могут быть сомнения в достоверности передаваемых Михаилом Бабенчиковым слов поэта.

Вместе с тем очень любопытна последняя запись Александра Блока в дневнике 1917 года, датируемая 19 октября:

«Вчера – в Совете рабочих и солдатских депутатов произошел крупный раскол среди большевиков. Зиновьев, Троцкий и пр. считали, что выступление 20-го нужно, каковы бы не были его результаты, и смотрели на эти результаты пессимистически. Один только Ленин верит, что захват власти демократией действительно ликвидирует войну и наладит все в стране» [4, т. 7, с. 311–312].

Как известно, «захват власти демократией» в лице Советов и стоявших за ними большевиков и левых эсеров состоялся в ночь с 25 на 26 октября. Наверняка Александр Блок в своих записных книжках должен был выразить свое отношение как к самому к этому событию, так и его инициаторам. Однако в июле 1921 года, предчувствуя грядущую смерть, Блок предал огню часть своих записных книжек, в том числе за июль–декабрь 2017 года. Восполнить пробел могли бы письма Александра Блока за период с октября по декабрь 2017 года. Он, отправив письма адресатам, не мог их уничтожить. В 1963 году были опубликованы отдельным томом письма поэта. Однако в этом издании отсутствуют письма за период с 5 августа 1917 по 8 апреля 1918 года (новым стилем)⁵.

Остается полагаться на мемуарную литературу. Вот что пишет тетя поэта М.А. Бекетова: «Переворот 25 октября, крах Учредительного Собрания и Брестский мир Ал. Ал. (Блок. – Авт.) встретил радостно, с новой верой в очистительную силу революции. Ему казалось, что старый мир действительно рушится и на смену ему должно явиться нечто новое и прекрасное. Он ходил молодой, веселый, бодрый, с сияющими глаза-

⁵См.: Блок А. Собр. соч.: в 8 т. – М.; Л.: Гос. изд-во худ. лит., 1963. – Т. 8. – 781 с. В предисловии к Полному собранию сочинений и писем поэта, начавшему издаваться в 1990-х годах, но до сих пор не вышедшему целиком, обещано, что в 15–19 томах издания будут опубликованы письма поэта, а также перечень утраченных и неразысканных писем. Однако эти тома еще не вышли в свет. Есть сомнения, существуют ли в природе письма за указанный период. В очень подробных и содержательных комментариях к поэме «Двенадцать» в этом издании А. Блока они не упоминаются.

ми и прислушивался к той «музыке революции», к тому шуму от падения старого мира, который непрестанно раздавался у него в ушах, по его собственному свидетельству» [2, с. 256–257].

Октябрь – декабрь 1917 года были для Блока временем осмысления судеб российской революции. Он понимал, что свершилось нечто очень значительное. Большевики тогда трубили о мировой революции, и Блок, пожалуй, склонялся к тому, что такая перспектива реальна. Он прекрасно видел, что светлое будущее, рисуемое большевистскими идеологами, делается довольно грязными руками. В ноябре 1917 года ему пришло известие, что разграблено и конфисковано в пользу государства имение Бекетовых в подмосковном Шахматове. В течение 36 лет, вплоть до 1916 года, Александр Блок проводил каждое лето в этом фамильном гнезде деда по линии матери. Даже в 1918 году, по признанию поэта, ему снилось Шахматово. Однако, по свидетельствам современников, на соборезнования по поводу потери Шахматова Блок неизменно отвечал: «Так надо. Поэт ничего не должен иметь» [16, с. 573].

Давно замечено: если поэт, писатель или публицист принимает какое-то судьбоносное решение, то он, как правило, берется за перо. Александр Блок сделал это 30 декабря 1917 года, начав писать программную статью «Интеллигенция и революция». Статья была закончена 9 января 1918 года, а 19 января опубликована в газете «Знамя труда», с которой Александр Блок тогда активно сотрудничал. Квинтэссенция статьи была оглашена Блоком 18 января в интервью газете «Петроградское эхо»: «Может ли интеллигенция работать с большевиками? – Может и обязана» [4, т. 6, с. 8].

Разгон в ночь с 5 на 6 января Учредительного собрания означал, что пути революции определились. Большевики тогда еще в союзе с левыми эсерами решились править Россией самостоятельно. Видимо, эта поворотная ночь, логически завершившая дело, начатое в ночь с 25 на 26 октября 1917 года, стала исходной для того, чтобы Александр Блок начал писать «Двенадцать».

В своей записной книжке 6 января он делает пометку: «К вечеру – циклон. – Слухи о том, что Учредительное собрание разогнали в 5 часов утра».

На следующий день, 7 января в записной книжке появляется лаконичная запись: «Vie de Iesus» [5, с. 382]. Значит, в этот день он просматривал очень почитаемую им книгу Эрнста Ренана «Жизнь Иисуса» [5, с. 578].

Творчество Ренана оказало существенное влияние на взгляды Александра Блока. В 1901 году он даже перевел на русский язык статью Э. Ренана об Ироде Великом [4, т. 7, с. 525]. В январе 1918 года, в дни работы над поэмой «Двенадцать», он неоднократно читал и перечитывал книгу Ренана «Жизнь Иисуса» на французском языке. Согласно устоявшемуся мнению, отраженному и в редакционных комментариях к поэме

«Двенадцать» в полном собрании сочинений поэта, «Ренан изображает Христа революционером, стремящимся установить царство справедливости на земле» [7, с. 330].

Не лишним будет также добавить, что в этой книге неоднократно идет как бы сопоставление религиозной революции, осуществленной Христом, и великой французской революции. И подобный подход, видимо, воспринимался Александром Блоком как правильный. Во всяком случае, для событий 1917 года в России он также искал аналогий в эпохе зарождения христианства.

В своем дневнике за 7 января 1918 года Блок набрасывает план задуманной пьесы про Иисуса Христа. Как показывает его анализ, канву изложения в этом произведении планировалось дать по Ренану. В этом плане присутствует и любопытная фраза: «У Иуды – лоб, нос и перья бороды, как у Троцкого» [4, т. 7, с. 317].

Широко известно, что В.И. Ленин в 1911 году назвал Троцкого Иудушкой [14]. Однако впервые соответствующая его статья была опубликована 21 января 1932 года в газете «Правда». Иными словами, широкой общественности в 1918 году это прозвище не было известно. Скорее всего, Блок к такой характеристике одного из вождей большевиков пришел самостоятельно. Само появление Троцкого в образе Иуды в записях Блока свидетельствует, что в предшествующий период он, несомненно, думал о роли вождей большевиков в мировой революции, в становлении нового мира. И вывод был сделан не в пользу Троцкого.

Днем позже, 8 января, Александр Блок непосредственно приступает к сочинению поэмы «Двенадцать». В его записной книжке так и записано: «Весь день – “Двенадцать”». В этот день он уже знал, что в финале поэмы будет Иисус Христос [7, с. 309]. Кандидатура Ленина в качестве Другого (если она рассматривалась) была отброшена.

Кто еще мог быть Другим? Остановимся на мировоззренческом аспекте вопроса. Александр Блок 13 мая 1918 года ответил на анкету, распространенную Ф.К. Сологубом среди писателей. Процитируем лишь наиболее важную в смысловом отношении часть ответа:

«Художнику надлежит знать, что той России, которая была, – нет, и никогда уже не будет. Европы, которая была, нет и не будет... Мир вступил в новую эру. Та цивилизация, та государственность, та религия – умерли. Они могут еще вернуться и существовать, но они утратили бытие... Не забудьте, что Римская империя существовала еще около 500 лет после рождения Христа. Но она только существовала, она раздувалась, гнила, тлела – уже мертвая» [4, т. 6, с. 59].

В очерке «Катилина», написанном в мае 1918 года, он развивает эту тему: «Когда родился Христос, перестало биться сердце Рима» [4, т. 6, с. 86]. Иными словами, по мнению Александра Блока, Иисус Христос стал, скажем так, духовным разрушителем и в некотором смысле идейным генератором новой, не римской цивилизации. Однако процесс ста-

новления новой цивилизации был достаточно длительным, растянулся на пять столетий.

В неотправленном письме Зинаиде Гиппиус, написанном 31 мая 1918 года, Александр Блок идет еще дальше. Он употребляет словосочетание «Великий октябрь», имея в виду октябрьский переворот 1917 года, и замечает, что Зинаида Гиппиус не увидела «октябрьского величия».

«Неужели Вы не знаете, – пишет он, – что “России не будет” так же, как не стало Рима – не в V веке после Рождества Христова, а в 1-й год I века? Также – не будет Англии, Германии, Франции. Что мир уже перестроился? Что “старый мир” уже расплавился?» [4, т. 7, с. 336].

Наиболее полно свои мировоззренческие позиции Александр Блок изложил в статье «Владимир Соловьев и наши дни», написанной в августе 1920 года и приуроченной к 20-летию со дня смерти этого философа.

«Наше время сравнивают со временем великой французской революции», – пишет Александр Блок. Но это, по его мнению, не вся правда: «Все отчетливее сквозят в нашем времени черты не промежуточной эпохи, а новой эры, наше время напоминает не столько рубеж XVIII и XIX века, сколько первые столетия нашей эры».

Тогда, как считает поэт, цивилизованный мир, представленный прежде всего, местностями, входившими в Римскую империю, был расколот на две части: старую половину и новую. Постепенно римская цивилизация отступала под натиском варваров. Но вызревала и третья сила – христианство, ставшая «равнодействующей между двумя мирами». «Никаких намеков на существование подобной третьей силы европейский XVIII век нам еще не дает», – отмечает Блок.

Революционные вихри начала XX века, по его мнению, еще не полностью высветили начало новой эры, хотя и раскололи мир на две половины.

«... Не все черты нового мира определились отчетливо, – замечает Блок, – ... музыка его еще заглушена, ... имени он еще не имеет, ... третья сила далеко еще не стала равнодействующей, и шествие ее далеко не опередило величественных шествий мира сего».

В финале статьи Блок называет В. Соловьева «носителем какой-то части этой третьей силы, этого, несмотря ни на что, идущего на нас нового мира» [4, т. 7, с. 156–159].

Когда читаешь эти строки, неизбежно возникает ассоциативный ряд с драматической поэмой И. Гёте «Фауст». «Прекрасно, кто же ты?» – спрашивает Фауст и получает ответ Мефистофеля: «Той силы часть и вид, что вечно хочет зла и вечно добро творит»⁶. Такое впечатление, что А. Блок «снял кальку» с этого диалога, когда формулировал роль В. Соловьева в общественной жизни.

⁶Перевод А. Фета.

Владимир Соловьев, как философ, публицист и поэт, оказал немалое влияние на творчество российских символистов конца XIX – начала XX века Александр Блок являлся одним из известнейших выразителей идей символизма в России. Символист Александр Блок осознавал, что у нарождающейся на его глазах цивилизации должен быть какой-то новый символ. Кто-то должен был идти перед красногвардейцами. Но третья сила еще не вызрела. И не было ясно, кто, кроме Христа, мог идти впереди.

В своей «Записке о “Двенадцати”», датированной 1 апреля 1920 года, Блок писал:

«...В январе 1918 года я последний раз отдался стихии не менее слепо, чем в январе 1907 или в марте 1914. Оттого я и не отрекаюсь от написанного тогда, что оно было писано в согласии со стихией: например, во время и после окончания “Двенадцати” я несколько дней ощущал физически, слухом, большой шум вокруг – шум слитный (вероятно, шум от крушения старого мира). Поэтому те, кто видит в “Двенадцати” политические стихи, или очень слепы к искусству, или сидят по уши в политической грязи, или одержимы большой злобой, будь они враги или друзья моей поэмы» [6].

Александр Блок не как политик, а как художник решал вопрос о том, кто пойдет впереди двенадцати красногвардейцев. С этой точки зрения Ленин не мог быть Другим, Соловьев – тоже. Оставался Христос...

«Сегодня я – гений»⁷

29 января 1918 года Александр Блок черкнул в записной книжке: «Я понял Faust'a. “Knurre nicht, Pudel”⁸... Страшный шум, возрастающий во мне и вокруг... Сегодня я – гений» [5, с. 387].

Днем ранее Александр Блок вчерне закончил поэму «Двенадцать». На следующий день, 30 января, из-под его пера вышло стихотворение «Скифы». Днем позже, 31 января, состоялась первая встреча Александра Блока с Евгенией Книпович. Поводом стало то, что в декабре 1917 года она послала Блоку по почте стихи с просьбой о совете. Последовал обмен письмами, а затем приглашение Блока на встречу: «Переписываться теперь трудно, если хотите – зайдите просто, позвонив по телефону, чтобы застать меня дома» [13, с. 10]. Так и состоялся этот трехчасовой разговор, причем «не о стихах, а о революции, жизни, культуре» [13, с. 11].

На следующий день, 14 февраля (1-го по старому стилю, так как с этого дня Россия перешла на григорианский календарь), Александр Блок сделал запись в своем дневнике: «Евгения Федоровна. Черный

⁷См. также: *Пантелеев В.И.* Фаустовский путь Александра Блока // Революции в отечественной и мировой истории: к 100-летию российских революций 1917 года: мат-лы междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 14 апреля 2017 г.) / под ред. В.М. Доброштанова [и др.]. – СПб.: Изд-во «СПбГУПТД», 2017. – С. 276–280.

⁸«Не ворчи, пудель» (нем.). Эти слова гётевский Фауст произносит как раз перед появлением Мефистофеля, то есть дьявола.

агат. Шея. Духи... Женщина, может быть, тоже может пройти Фаустовский путь. – Честность к жизни...» [4, т. 7, с. 324].

Евгения Федоровна Книпович (1898–1988), впоследствии ставшая известным советским литературоведом, в своих воспоминаниях рассказала об этой встрече. Блок был на эмоциональном подъеме. «Сейчас ходить нельзя, разве можно ходить, надо прыгать, летать», – произнес он. «Об одном необходимом условии полета сказал мне Блок тогда», – продолжает вспоминать Е. Книпович:

«Вы не должны честно относиться к жизни – это кадетское отношение, оно и во мне заложено, но его надо преодолевать. Если оно столкнется с главным, то надо думать – вот мое перебило – и обмануть себя, не обманывая. Иначе нельзя – это и есть фаустовский путь» [13, с. 11] (выделено нами. – *Авт.*).

Процитируем комментарий к этой фразе автора книги об Александре Блоке Владимира Новикова: «Пассаж интересный во многих отношениях. Так аналитично и объективно Блок о себе прежде не говорил и не писал» [15]. Думается, это не случайно. Евгения Книпович встретила с Александром Блоком, когда тот еще не отошел от колоссального внутреннего напряжения, подъема, связанного с написанием двух самых его значительных произведений в пореволюционную эпоху, по существу положивших начало советской литературе.

Воспоминания Е. Книпович писались, когда уже были опубликованы записные книжки и дневники Александра Блока. Евгения Федоровна не могла не знать о загадочной фразе Блока про женщину, которая может пройти фаустовский путь. Не будем рассуждать на тему, насколько точна эта фраза Блока в ее передаче. Важно, что разговор на эту тему был. Александр Блок, по его признанию, в день написания «Двенадцати» понял Фауста, а через день стал развивать эту тему в беседе.

Что значит: «понял Фауста»? Уже процитированный нами В. Новиков дает такой «вопросительный» ответ:

«Не имел ли в виду Блок (для про себя), что гениальные прозрения посещают художника на самой границе добра и зла, что они совершаются при поддержке не только благих сил, но и дьявольского начала? Ответить на этот вопрос нам едва ли удастся, но не задать его нельзя» [15].

Действительно, ответа на этот вопрос до сих пор нет, хотя фраза Блока о том, что он понял Фауста, что он «сегодня» гений, цитируется очень часто.

В современных исследованиях устоялось мнение, что творчество Иоганна Гёте, особенно «Фауст», оказало очень серьезное влияние на русскую культуру XIX – начала XX века [8, 18, 20]. Как отмечает А.В. Ерохин, «Гёте был неотъемлемой частью либерально-демократической бекетовской культуры, к концу XIX столетия его наследие прочно входило в систему духовных ценностей российской интеллигентной семьи» [9, с. 65].

Отнюдь не сторонились Фауста и марксисты: В.И. Ленин и Г.В. Плеханов неоднократно цитировали «Фауста» И. Гёте в своих трудах,

А.В. Луначарский неоднократно писал об этом творении Гёте [11, с. 610–623], а Сталин видел себя Фаустом, и эта самооценка, по мнению специалистов, особенно наглядна при одновременном изучении произведения Гёте и речей Сталина [10, 17].

Немалое влияние оказало произведение Гёте и на Александра Блока. По мнению А.В. Ерохина, на раннем этапе творчества Александра Блока «демоническая амбивалентность фигуры Фауста примеряется Блоком к собственной поэтической биографии (выделено нами. – *Авт.*)» [9, с. 77]. С нашей точки зрения, подобное «примеривание» к Фаусту в гётевской трактовке нашло отражение и в творчестве позднего Блока, когда он писал «Двенадцать» и «Скифы».

В дореволюционной России «Фауст» Гёте неоднократно переводился на русский язык. Александру Блоку был известен перевод Афанасия Фета, на перевод Николая Холодовского он сам писал рецензию [4, т. 6, с. 467–469]. Читал Александр Блок это произведение и в оригинальной версии, на немецком языке.

Известно, что Александр Блок неоднократно перечитывал монолог Мефистофеля из пятого акта второй части Фауста, в котором он обращается к чертям, чтобы они сторожили душу умершего Фауста, не дали ей переместиться в рай. Дадим концовку этого монолога на немецком языке и в переводах, которые совершенно точно были известны Александру Блоку (переводах А. Фета и Н. Холодовского), дополним его для объективности прозаическим переводом А. Соколовского (1902 года), которым, как известно, пользовался М. Булгаков, когда писал «Мастера и Маргариту». Выделения в тексте наши⁹:

Оригинал:	Перевод А. Фета:
Ihr Firlefanze, flügelmännische Riesen, Greift in die Luft, versucht euch ohne Rast! Die Arme strack, die Klauen scharf gewiesen, Daß ihr die Flatternde, die Flüchtige faßt. Es ist ihr sicher schlecht im alten Haus, Und das Genie, es will gleich obenaus.	Ей, пеликаны, что торчат шестью! Глядите вверх на воздух, дурачье, Готовьте руки с острыми когтями, Когда порхнёт, – хватайте вы ее! Но верно ей уж старый дом претит, А гений-то все кверху норовит.
Перевод Н. Холодовского:	Перевод А. Соколовского:
А вы, гиганты, рослые шуты, Тамбурмажоры, в воздух, вверх смотрите! Расправьте руки, когти наострите, Не дайте ей вспорхнуть до высоты. Ей в старом доме жутко; нет сомнений, Что к небесам взлететь желает гений.	Вы, длинные тамбур-мажоры, сторожите воздух. Вытяните лапы и острые когти, чтобы поймать душу на лету. Ей, понят- но, не особенно приятно долго оставаться в старой своей оболочке. Ведь дух стре- мится всеми силами воспарить наверх.

⁹ Источники переводов: Фауст. Трагедия Гёте в двух частях / пер. А. Фета. – СПб, 1889; Гёте Й. Фауст / пер. Н. Холодовского. – М.: Дет. лит., 1969; Гёте Иоганн. Фауст / пер. с нем., объяснит., прим., вступ. ст. А.Л. Соколовского. – М.: Мартин, 2007.

Как видим, Гёте называет Фауста гением. Только А. Соколовский не использовал при переводе имеющееся в оригинале слово «гений» (Genie). Душу гения, его «бессмертную часть» (в переводе Н. Холодовского), как ни пытался противодействовать Мефистофель, ангелы унесли на небо.

Фауст скрепил с дьяволом договор кровью, но так и не попал в ад. Думается, что Александр Блок примеривал на себя судьбу Фауста, когда, окончив «Двенадцать», написал, что он гений. Возможно, именно поэтому он говорил о «полете». В поэме «Двенадцать» он отнюдь не идеализирует шагающих по завьюженному Петрограду красногвардейцев, символизирующих новый мир. Они, в его трактовке, «идут без имени святого». Образы старого мира в лице попа, буржуя и прочих его представителей, включая пса безродного, обернувшегося в конце поэмы в волка (не Мефистофель ли это?), также нелицеприятны. Блок понимал, заканчивая поэму, что он вступает в союз, продает душу «революционному дьяволу», но хотел обмануться и жаждал «полететь» в благополучное бессмертие. И помочь ему в этом мог Иисус Христос, идущий в конце поэмы «в белом венчике из роз» впереди двенадцати красногвардейцев...

В 1919 году была написана опубликованная в 1921 году третья глава неоконченной поэмы Блока «Возмездие». Как известно, эта поэма посвящена отцу поэта, умершему в конце 1909 года. Поэма должна была состоять из пролога, трех глав и эпилога. Блок успел завершить только пролог, первую и третью главы, а также написать вступление ко второй главе. В предисловии, написанном в июле 1919 года, в связи с публикацией третьей главы, Блок написал, что в ней описано «как кончил жизнь отец, что стало с бывшим блестящим демоном, в какую бездну упал этот яркий когда-то человек» [4, т. 3, с. 299, 339]. В самой же главе он пишет об отце:

«Презревши молодости пыл,
Сей Фауст, когда-то радикальный,
“Правел”, слабел ... и всё забыл» [4, т. 3, с. 299, 339].

Не знаем, как кому, а авторам данной статьи эта фраза говорит об очень многом. Роль Фауста Александр Блок примеривал не только на себя, но и на других.

Для поэмы «Возмездие» Блок взял эпиграф из драмы Г. Ибсена «Строитель Сольнес»: «Юность – это возмездие». Главный герой ибсеновской пьесы строитель Сольнес, как и отец Блока, в молодости подавал большие надежды, но не многого сумел добиться и завидовал себе самому в юности, тому, кем он не стал. Думы о юности стали для него возмездием.

По сути дела, поэма «Возмездие» посвящена несостоявшемуся Фаусту, а поэма «Двенадцать» – это поэма человека, уверенно идущего, а в мечтах уже прошедшего Фаустовский путь, а потому написавшего: «Сегодня я – гений».

«Конечно, Блок не наш, – писал в 1923 году один из вождей большевиков Лев Троцкий. – Но он рванулся к нам... Поэма «Двенадцать» останется навсегда» [19, с. 102].

Этот вывод уместен и спустя сто лет после создания этого произведения.

Литература

1. Александр Блок в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 2. – М.: Худ. лит., 1980.
2. Бекетова М.А. Александр Блок: биографический очерк. – 2-е изд. – Л.: Академия, 1930.
3. Берберова Н. Александр Блок и его время: биография / пер. с фр. А. Курт, А. Райской. – М.: Независимая Газета, 1999.
4. Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. – М.; Л.: Гос. изд-во худ. лит., 1960–1965.
5. Блок А.А. Записные книжки. 1901–1920. – М.: Худ. лит., 1965.
6. Блок А. Записка о «Двенадцати» // Литературная газета. – 1990. – 28 ноября. – URL: http://rulitbox.ru/blok_12.html (дата обращения: 31.10.2017).
7. Блок А.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 5. – М.: Наука, 1999.
8. Гёте в русской культуре XX века / под ред. Г.В. Якушевой. – 2-е изд., доп. – М.: Наука, 2004.
9. Ерохин А.В. Александр Блок и Гёте // Гёте в русской культуре XX века / под ред. Г.В. Якушевой. – 2-е изд., доп. – М.: Наука, 2004.
10. Дебюзер Л. Тайнопись романа «Счастливая Москва» // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества: юбилейный вып. по мат-лам 4-й Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А.П. Платонова (Москва, 19–22 сент. 1999 г.). – М.: Изд-во ИМЛИ РАН; Наследие, 2000. – Вып. 4. – С. 632–633.
11. Жирмунский В. Гёте в русской литературе. – Л.: Худ. лит., 1937.
12. История России. XX век: 1894–1939 / под ред. А.Б. Зубова. – Т. 1. – М.: Астрель; АСТ, 2009.
13. Книпович Е. Об Александре Блоке: Воспоминания. Дневники. Комментарии. – М.: Советский писатель, 1987.
14. Ленин В.И. О краске стыда у иудушки Троцкого // Полн. собр. соч. Т. 20. – С. 96.
15. Новиков В. Александр Блок. – М.: Молодая гвардия, 2010. Цит. по: URL: <http://territa.ru/load/28-1-0-4403> (дата обращения: 31.10.2017).
16. Орлов В.Н. Гамаюн. Жизнь Александра Блока. – М.: Советский писатель, 1978.
17. Проскурина Е.Н. Фаустиана Андрея Платонова (на материале прозы 1920–1930 годов). – М.: Новый хронограф, 2015. – С. 5–6.

18. *Тиме Г.А.* Россия и Германия: философский дискурс в русской литературе XIX–XX веков. – СПб.: Нестор – История, 2011.
19. *Троцкий Л.Д.* Литература и революция. – М.: Политиздат, 1991.
20. *Якушева Г.В.* Фауст в искушениях XX века: Гётевский образ в русской и зарубежной литературе. – М.: Наука, 2005.

Literatura

1. Aleksandr Blok v vospominaniyah sovremennikov: v 2 t. T. 2. – M.: Hud. lit., 1980.
2. *Beketova M.A.* Aleksandr Blok: biograficheskiy ocherk. – 2-e izd. – L.: Akademiya, 1930.
3. *Berberova N.* Aleksandr Blok i ego vremena: biografiya / per. s fr. A. Kurt, A. Rajskej. – M.: Nezavisimaya Gazeta, 1999.
4. *Blok A.A.* Sobr. soch.: v 8 t. – M.; L.: Gos. izd-vo hud. lit., 1960–1965.
5. *Blok A.A.* Zapisnye knizhki. 1901–1920. – M.: Hud. lit., 1965.
6. *Blok A.* Zapiska o «Dvenadcati» // Literaturnaya gazeta. – 1990. – 28 noyabrya. – URL: http://rulitbox.ru/blok_12.html (data obrascheniya: 31.10.2017).
7. *Blok A.A.* Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 20 t. T. 5. – M.: Nauka, 1999.
8. Gyote v russkoj kul'ture XX veka / pod red. G.V. Yakushevoj. – 2-e izd., dop. – M.: Nauka, 2004.
9. *Erohin A.V.* Aleksandr Blok i Gyote // Gyote v russkoj kul'ture XX veka / pod red. G.V. Yakushevoj. – 2-e izd., dop. – M.: Nauka, 2004.
10. *Debyuzer L.* Tajnopis' romana «Schastlivaya Moskva» // «Strana filosofov» Andrey Platonova: Problemy tvorchestva: jubilejnyj vyp. po mat-lam 4-j Mezhdunar. nauch. konf., posvyasch. 100-letiyu so dnya rozhdeniya A.P. Platonova (Moskva, 19–22 sent. 1999 g.). – M.: Izd-vo IMLI RAN; Nasledie, 2000. – Vyp. 4. – S. 632–633.
11. *Zhirmunskij V.* Gyote v russkoj literature. – L.: Hud. lit., 1937.
12. Istoriya Rossii. HKH vek: 1894–1939 / pod red. A.B. Zubova. – T. 1. – M.: Astrel'; AST, 2009.
13. *Knipovich E.* Ob Aleksandre Bloke: Vospominaniya. Dnevnik. Kommentarii. – M.: Sovetskij pisatel', 1987.
14. *Lenin V.I.* O kraske styda u iudushki Trockogo // Poln. sobr. soch. T. 20. – S. 96.
15. *Novikov V.* Aleksandr Blok. – M.: Molodaya gvardiya, 2010. Cit. po: URL: <http://territa.ru/load/28-1-0-4403> (data obrascheniya: 31.10.2017).
16. *Orlov V.N.* Gamayun. ZHizn' Aleksandra Bloka. – M.: Sovetskij pisatel', 1978.
17. *Proskurina E.N.* Faustiana Andrey Platonova (na materiale prozy 1920–1930 godov). – M.: Novyj hronograf, 2015. – S. 5–6.

18. *Time G.A.* Rossiya i Germaniya: filosofskij diskurs v russkoj literature XIX–XX vekov. – SPb.: Nestor – Istorija, 2011.
19. *Trockij L.D.* Literatura i revolyuciya. – M.: Politizdat, 1991.
20. *Yakusheva G.V.* Faust v iskusheniyah XX veka: Gyotevskij obraz v ruskoj i zarubezhnoj literature. – M.: Nauka, 2005.

